

*Первый стих Галины Ицкович состоит из перепадов ритма, меняющейся системы рифмовки, экспрессии мысли и чувства. Короткий вздох перемежается долгими периодами свободного*

*дыхания, всякий раз удерживая читательское внимание. Инерционный бег читательского взгляда по строчкам здесь невозможен. И это обостряет восприятие поэтической речи автора.*

Д. Ч.

## В ПОЗАБЫТОМ ГОДУ ПОТЕРЯННАЯ СЕРЬГА

### ЧЕРЕПАХИ

На псевдояпонском искусственном пруду,  
На бетоне, покрытом синтетическим мхом,  
Совещаются с виду старухи,  
Вполне могущие оказаться юными дамами.  
Черепашки скрывают возраст  
В глубинах жёсткого диска,  
Покрытого темно-зелёными иероглифами.  
Это местные красноухие простухи,  
Озабоченные поздней весной  
И объявленным месячником стран Востока,  
Но непроницаемостью и дизайном  
Они вполне вписываются в стереотип,  
И у каждой на скрытой надёжно нежной спине –  
То, что ей кажется целым миром.

### НИНАГАВА

*Юкио Нинагаве и его японскому Шекспиру*

Лес подходит к авансцене близко.  
В чистой чаще (театр – не кино!) –  
Леди Макбет, виолончелистка  
В розовом рассветном кимоно,  
В сумочку кладёт покой и волю,  
Достаёт кастет, кинжал, обрез.  
Леди Макбет машет канифолью,  
И туман спускается на лес –  
Наконец-то! Ниоткуда как бы  
Звук (ты помнишь классика?) возник.  
Выйду замуж, стану леди Макбет,  
Буду к ведьмам ездить на пикник,  
Заварив питьё в сервизной чашке,

Наливать гостям, судьбу смирать...  
Можно неудавшейся скрипачке  
На себя проклятье примерять,  
Истлевать огарком? Я – смогла бы?  
Лес настойчив, тянет дверь с петель.  
Бдит луна, японская забава.  
Что там вышивает Нинагава  
По твоей предутренней канве?

У судьбы – ни рифмы, ни причины.  
Соло доиграв, лови момент,  
Отдыхай: невинные мужчины,  
Тонкие балетные мужчины  
Уж скроили твой дивертисмент.  
Ветки гнёт наивная стихия,  
Утомлён суфлер – вздремни пока,  
Леди Макбет, струны наливные,  
Вишней обагрённая рука.

Инструмент к лицу четвёртой ведьме.  
Догорел спектакль, пускает дым.  
Макбет пусть попробует без леди.  
Ты не виновата перед ним,  
Я перед тобой не виновата...  
Разве что (дрожи, Гламисскийтан!)  
Умолчу, что вестником утраты  
Под виолончельное вибрато  
Лес сорвётся в бег через туман.

\* \* \*

Прошлое, мой суровый родитель,  
оттягивая плечи и воротник, сулит потери.  
Будущее из вазона выглядывает зелёным хвостом – я живу, глядите!  
Я подкармливаю его, не веря  
в успех, поливаю, не зная,  
кому оно достанется, что мне с него, но когда-  
нибудь оно вырастет в человеческий рост  
и начнёт поливать меня.

В самолёте Люфтганзы весело и цивильно:  
 повсюду царит  
 апельсиновое с синим,  
 милovidные стюардессы овевают ароматами  
 дешёвой помады и подпорченного желудка,  
 протягивают бутерброды,  
 температурой и влажностью  
 напоминающие перевязочный материал.

Но когда, с двусмысленностью старой шутки, раздается «pachkiew»  
 и начинается свист посадки,  
 мне внезапно кажется, что все мы – авиабомбы,  
 двести синих от ветра бомб в апельсиновой ржавчине,  
 готовых по команде просыпаться на город.  
 Когда же забудется папи-мамино детство?  
 Старые триггеры должны высвободить место  
 новым триггерам.

## ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ ЗИМОЙ

Ежегодный прилив приморской тоски.  
 Если бы где прочла, ни за что б не поверила:  
 ненасытная жажда другого берега  
 раскачивает плохо сбитые, сбившиеся в стаю лежаки.  
 Нарисуй мне карту, нашепчи о карме.  
 Ручка чернилами метит колени.  
 Континент не уместается на правом,  
 дорисовываю на левом Дикий Запад с Кармелем  
 (глаза у тюленей, должно быть, карие).  
 У нас – ни тюленей, ни ламантинов,  
 ни нарядной набережной, обходимся как-нибудь.  
 Море устало, старик засыпает, лента прибойя перевивает грудь.  
 Лодка качается – колыбель из резины.  
 Сонная пена жеманится, мнётся, как пожелтевшее кружево, на песке.  
 Кисточка ночи чернит волну.  
 Старик просыпается, удаляется в глубину.  
 Рыбацкий нож вписывается в щель за голенищем, верёвка на пояске.  
 У старика, в отличие от меня, есть хотя бы надежда на море.  
 Замёрзло бы оно на зиму, что ли...

## ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ СЛУХ

Постепенно перестаю различать  
аккорды,  
смысл и стопу стиха,  
но всё громче звуки далёкой пасеки,  
трепет вянущего тростника,  
робкий голос утеранных в детстве вещей,  
гордый –

потерянных, прежде знакомых личностей;  
нашёптанный шиза выкипающих щей,  
бред никому не нужных,  
всем надоевших особей и предметов.

Разве это

месиво звуков, проскальзывающее мимо,  
ничем не мило? Разве ближние звуки значимей тех,  
что бормочут из прошлого, издалека?

Слышу, как сжалилась в дальней комнате  
и зовёт меня тихо, но различимо  
в позабытом году потерянная серьга...

## ТАШЛИХ<sup>1</sup>

Раз в году  
грехов истекает срок.  
Из карманов крошки вытряхивая в поток,  
не припомним даже,  
как бездарен был год. Здесь чиста вода.  
Бесконечно хочется наблюдать  
за ажиотажем:  
как глотает твой сором  
какой-нибудь чёрный птиц,  
как незваная очередь голубиц  
напирает за булочкой лжи вчерашней.

На пруду кормят уток и лебедей,  
и дети играют в какую-то дребедень,  
и почти не страшно.

---

<sup>1</sup> Ташлих - ритуал отпущения грехов

## I

Камбрия-Хайтс. Монтефиоре, Мекка евреев.  
Полнолуние, кладбищенское время.  
Добро пожаловать в загробный офис реб Шнеерсона.  
Я думала, здесь будут только одетые по одному фасону  
хасиды в нелепом своем наряде,  
но вижу женщин в обычных платьях,  
девчонок, непримечательных с виду.  
Был такой детский шампунь «Без слёз»,  
задуманный, видно, хасидом.  
Постараюсь без слёз.  
Ухо улавливает вавилонский разброс  
(но шёпотом, шёпотом, если можно).  
Комната напоминает зал ожидания перед дверью таможенника,  
раздевалку в школе или спортивном зале:  
пластиковая поверхность, сменная обувь, вешалка для шалей.  
Разнокалиберный люд пишет список желаний.

## II

Я заглядываю в себя и в псалмы.  
Я ищу подходящие слова, но молитвенник говорит совсем о другом.  
Зато внизу, в бетонной квадратной ванне,  
в купальне просьб и слёз,  
среди разорванных белых записок  
(иногда выныривают суетные цветные –  
накладные, настенные календари,  
билеты в кино, чьи-то фото),  
чернильные строчки – как стрелы устремлены  
в небо; строчки протягивают руки,  
как запоздалые ночные пловцы.  
Сделай так, чтобы... had to ask Thee...  
...хорошо?..  
Please Hashem... Hashem...  
На всех доступных языках  
захлёбываются в разноголосице,  
выкликают  
имя Б-га, шипящее, как пенный напиток,  
имя Б-га,  
бутылочный осколок в песке,  
просящий тишины.

---

<sup>1</sup>О'эль – место упокоения Седьмого любовического Ребе, Менахема-Мендела Шнеерсона.

Нам ли не знать, как Он нетерпелив  
и не всегда логичен.  
Но, пока я колеблюсь, просить ли,  
из молитвенника выпадает  
кем-то оставленная записка «Выше нос, всё уладится», –  
и я понимаю, что выслушана сегодня.

## ГАВАЙСКОЕ

Подлетая к суше со стороны моря,  
невольнo собираешь  
густой урожае́й облаков.  
Смотришь, как невыспавшийся вулкан  
готовит горячий завтрак,  
впитываешь невозможную яркость дня.  
Снизу, с той стороны облаков,  
день, должно быть, видится сумрачным.  
Пассажиры булавочного судна,  
пытаетесь взлететь!

## МЕТРОПОЛИТЕН

В неурочное время, среди давки и одурения  
и борьбы пассажиров за место на лавке,  
человек зависал над сиденьями –  
предлагал блестяшки?  
уговаривал дать на травку?

Наклонялся, дышал в макушки,  
очевидно, просил чего-то.  
Все, в наушниках для заглушки,  
отводили глаза от прохода.

Для попрошайки был он, пожалуй, робкий.  
Человек раздавал слова из картонной коробки.

Что это, нищенский эпатаж? Да нет,  
кажется, книга довиртуальной эпохи.  
– Приютите слова, сограждане!  
Вот, возьмите пяток на дорогу.  
Забирайте, пожалуйста,  
их у меня ещё много.

Отдавал просто так, проявляя смешную отвагу.  
И зачем он, чудак, нарезал на полоски бумагу?

Он в вагоне потел,  
по ногам, никого не слушал,  
раздавал, что имел,  
на полоски нарезав душу.

А вчера, говорят, мужичонка в пиджачной паре  
всучивал всем по ноте.  
И брали, представляете, брали!